

S T U D I A   P H I L O L O G I C A

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА

В. М. Живов

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ
ПРАВОПИСАНИЕ
XI–XIII века

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

ББК 63.3(2)4
Ж 67

Живов В. М.

Ж 67   Восточнославянское правописание XI—XIII века /
РАН; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М.:
Языки славянской культуры, 2006. — 312 с. — (Studia
philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0154-3

Сборник включает серию работ, посвященных проблемам правописания в восточнославянских рукописях XI—XIII в. Исследуются принципы, которым следовали писцы при копировании церковнославянских текстов. Сопоставляются принципы некнижного письма, которым пишут те, кто учился читать, но не учился профессионально писать и которое представлено прежде всего в берестяных грамотах, и книжного письма, которым пользовались профессионалы. Рассматриваются условия профессиональной книжной деятельности, соотношение орфографии, орфоэпии и живого произношения писцов. Особое внимание уделяется орфографическим правилам, которые употребляли книжные писцы, исследуются возможности реконструкции этих правил. Анализируются как общие проблемы орфографической нормы XI—XIII вв., так и несколько частных проблем (отражение на письме палатальных сонорных, правописание рефлексов *er и т. д.).

Книга представляет интерес для историков славянских языков и специалистов по истории письменной культуры славян.

ББК 63.3

*В оформлении переплета использована иллюстрация из:
Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века, л. 47 об.*

ISBN 5-9551-0154-3

© Живов В. М., 2006
© Языки славянской культуры, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
Норма, вариативность и орфографические правила в восточнославянском правописании XI—XIII века	9
Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI—XIII века	76
Еще раз о правописании ц и ч в древних новгородских рукописях	131
Палатальные сонорные у восточных славян: данные рукописей и историческая фонетика	151
Въ плѣну у ангеловъ, на дикомъ брегѣ — ахъ!	178
ХОУ-ТЬ-И. Об идиосинкритических факторах при выборе морфологических вариантов	200
Проблемы формирования русской редакции церковнославянского языка на начальном этапе (По поводу книги И. Тота «Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI — начале XII вв.». София, 1985. 358 с.)	225
<i>Приложение: Н. Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания</i>	260
<i>Указатель</i>	294
<i>Список сокращений</i>	310

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник составлен из статей разных лет, посвященных восточнославянскому правописанию XI—XIII века. Некоторые из них были опубликованы в труднодоступных изданиях, что и побудило меня предпринять эту перепечатку. Перепечатываемым статьям предпослана новая работа, в которой я постарался подвести некоторый итог моим исследованиям в данной области. Хотя вошедшие в сборник статьи посвящены разным явлениям, характерным для правописных практик древней Руси, они объединены единым подходом к изучению языковых особенностей восточнославянских рукописей. Этот подход развивает концепцию Н. Н. Дурново, согласно которой правописная практика определяется орфографической системой писца, а не написаниями оригинала, который он копирует, или его собственным живым произношением. Основная проблема состоит, на мой взгляд, в том, как именно и за счет чего формируется орфографическая система писца, какие ее параметры являются общепринятыми и нормативными, а какие могут быть отнесены на счет индивидуального выбора пишущего.

Язык в этой перспективе предстает не как абстрактная система, а как набор инструментов, используемых пишущим в определенных целях. Инструменты могут быть более простыми и более сложными. К простейшим инструментам относятся те, овладение которыми происходит при обучении грамоте (чтению по складам). В этой связи встает вопрос о том, какие соотношения между звуками и буквами задавались этой процедурой, каков был состав складов (и состав азбук), как умения, полученные при обучении чтению, трансформировались в навыки письма. Этот вопрос, затрагиваемый почти во всех статьях

сборника, приобрел совершенно новые очертания в результате изучения берестяных грамот, позволившего А. А. Зализняку говорить об особой бытовой (некнижной) системе письма. При сопоставлении книжного письма с бытовым стало особенно очевидным, до какой степени книжная правописная практика зависела от использовавшихся книжными писцами орфографических правил. Орфографические правила представляют собой достаточно сложный инструмент языковой деятельности. Реконструкция этих правил, определение того, как они применялись, какие писцы владели ими, а какие нет, — это едва ли не основной сюжет публикуемых статей.

Статьи перепечатываются без существенных изменений и дополнений, хотя сейчас я бы ряд тезисов сформулировал иначе (например, те положения, в которых используется понятие диглоссии). Благодаря исследованиям последних лет существенно мог бы быть расширен и материал, который послужил основой для сделанных в публикуемых работах выводов; новый материал их подкрепляет, хотя никак принципиально не меняет линии аргументации. Осведомленный читатель без особого труда сможет сам приобщить эти новые данные к тем, которые приводятся в вошедших в сборник статьях. В приложении печатается статья о Н. Н. Дурново и его идеях в области исторической русистики — как дань памяти замечательному ученому, труды которого и до сего дня остаются определяющими для всей проблематики истории восточнославянского правописания.

Изменения в основном коснулись библиографических данных. То, что в момент публикации было в печати, теперь давно напечатано, так что появилась возможность дать точные библиографические указания. Я снабдил также старые ссылки на труды Н. Н. Дурново по истории русского языка (часто малодоступные) новыми библиографическими указаниями, отсылающими к собранию его трудов в этой области, изданному в 2000 году.

Москва, август 2005 г.

НОРМА, ВАРИАТИВНОСТЬ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ПРАВОПИСАНИИ XI—XIII ВЕКА *

Нормативность и вариативность. Письменные языки славянского средневековья радикально отличаются от современных письменных (литературных) языков степенью допустимой вариативности на орфографическом и морфологическом уровнях. В церковнославянских рукописях чуть ли не каждая форма представлена в нескольких возможных графических вариантах, отражающих и возможные различия в произношении, и различия в орфографических принципах, и различный выбор вариантовых морфологических показателей. При сопоставлении с тщательно стандартизованными современными литературными языками, в которых вариативность сведена к минимуму, ситуация в церковнославянских текстах производит впечатление полного разнобоя, в котором просматриваются лишь зачаточные формы упорядоченности. Это впечатление побуждает ряд исследователей говорить о том, что в церковнославянском узусе раннего периода вообще отсутствовала книжная норма (Ворт 1978). Мне такая точка зрения представляется неоправданной, во всяком случае если понимать норму достаточно широко, не отождествляя ее со стандартизованностью современных литературных языков.

О наличии нормы (представлений о правильности лингвистических форм) однозначно свидетельствуют многочисленные исправления в дошедших до нас рукописях: если рукопись

---

* Автор глубоко признателен А. А. Пичхадзе и Б. А. Успенскому, прочитавшим эту статью в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний.

правится, это значит, что писец заменяет неправильные с его точки зрения элементы на правильные, т. е. обладает представлением о норме и проводит эти представления в своей языковой практике. Лингвистические исправления являются постоянным элементом книжного дела в древней Руси, во многих случаях они осуществляются вполне последовательно, так что нормализация — это обычный, а не исключительный феномен языковой установки восточнославянских книжников. В рукописях XII—XIV вв. встречаются приписки, в которых писец в виде жеста самоуничтожения просит прощения за то, что он писал, но не исправлял, и обращается к читателю с просьбой исправить его ограхи, не осуждая его; тем самым правка при списывании рассматривается как естественная составляющая процесса профессионального копирования, в том числе, видимо, и правка орфографическая¹.

В большинстве случаев мы можем лишь реконструировать этот процесс рекуррентной перелицовки. Эта реконструкция дает нам возможность объяснить формирование орфографических систем, характерных для разных периодов истории церковнославянского языка, как кумулятивный эффект последовательно проводившихся правок. Писец, переписывающий оригинал предшествующего периода, приводит его правописание в соответствие с нормами своего времени. Он может это делать не вполне последовательно, и тогда его продолжатель (или продолжатели), производя следующие списки, довершают его дело. Замечу, забегая вперед, что кумулятивный характер этого процесса указывает на зависимость между последовательно-

¹ См. весьма красноречивую запись писца Тимофея на Лобковском прологе 1282 г.: «а ци кто ҳытре́ попъ или дытакъ почнеть цисти кни-г[ы] сна аче кде оци и бра́тъ въ свои гроубости боу қриво написалъ не исправилъ а сами исправаче ցтите принимете ѿ ба мъздоч благо-словите а не кльнит[е]» (ГИМ, Хлуд. 187, л. 148 об.; см. публикацию с несколькими погрешностями: Столярова 2000, 132). Ср. еще в записи писца Феофана на Галичском евангелии 1357 г.: «ѡже боудоч не ѹсправи^а. в кое мъстѣ. исправа ба дѣ^а. чтите. а не кленѣте» (Жуковская 1957, 41). О призывае к читателю исправить ошибки писца и не осуждать его как элементе формуляра писцовых записей см.: Столярова 1998, 83—84, 89, 100—101, 125—128.